

*Р. Н. Дёмин**

**КОРНИЛОВ С. В. РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ИДЕИ, ИМЕНА,
КОНЦЕПЦИИ. — КАЛИНИНГРАД: ИЗДАТЕЛЬСТВО БФУ
ИМ. И. КАНТА, 2023. — 265 С.**

R. N. Demin

*KORNILOV S. V. RUSSIAN PHILOSOPHY: IDEAS, NAMES, CONCEPTS.
KALININGRAD: PUBLISHING HOUSE OF THE BFU NAMED AFTER IMMANUIL
KANT, 2023. — 265 P.*

«Еще одна книга по истории русской философии!» — может со скептической усмешкой сказать кто-то. Да, еще одна. И это хорошо независимо от степени ее научной новизны и оригинальности. Думаю, выход в свет каждой новой книги по русской философии следует приветствовать. Поддержка интереса к отечественной философии, популяризация наследия русских мыслителей, введение в научный оборот и просто в культурный обиход имен отечественных философов, их сочинений и идей — явление положительное.

Рецензируемая книга Сергея Владимировича Корнилова, доктора философских наук, профессора, — не первая книга автора, посвященная истории русской философии. С. В. Корнилов получил известность как автор объемного справочника по русской философии (Корнилов С. В. Русские философы Справочник. СПб.: Лань, 2001. — 445 с.), специального исследования философской школы Московской духовной академии (Корнилов С. В. Философская школа Московской духовной академии. Калининград, 2006), целого ряда других публикаций. Новый труд автора не является работой, систематично излагающей историю русской философии, а представляет собой своего рода ряд очерков, рисующих панораму идей и концепций русских философов XIX —

* Дёмин Ростислав Николаевич — историк философии, deminros@yandex.ru, член Санкт-Петербургского Союза ученых (СПбСУ).

Rostislav N. Demin — historian of philosophy, deminros@yandex.ru, Member of the Saint Petersburg Union of Scientists (SpbSU).

начала XX вв., периода, по словам автора, ставшего «самой блестящей эпохой ее развития» (с. 5). По мнению С. В. Корнилова, «по богатству содержания и многообразию появившихся направлений это период сопоставим разве что с эпохой возникновения философии в Древней Греции» (с. 5). Несмотря на то, что, вероятно, не все согласятся с такой оценкой, нужно сказать, что автору удалось достаточно полно представить панораму идей ряда мыслителей этого безусловно сложного и противоречивого периода русской мысли. Корнилов представляет его через обращение к идеям пятнадцати мыслителей, посвящая каждому отдельный параграф. В завершающем шестнадцатом параграфе автор раскрывает связь русской мысли с современными идеями космоглобалистики.

Наибольший интерес представляет объемная первая часть книги «Проблемы русской философии», состоящая из девяти параграфов (с. 7–216). Ее открывает исследование «философии соборности» А. С. Хомякова. Автор достаточно убедительно показывает значение идей Хомякова, приходя к выводу, что именно «разработка категориальных структур философии соборности», осуществленная Хомяковым, заложила основы расцвета русской философии XIX — начала XX в. и сохраняет свое значение для современной теоретической мысли (с. 19).

Следующие три параграфа Корнилов посвящает исследованию формирования и развития теистической философской школы в России, последовательно анализируя взгляды Ф. А. Голубинского, концепция «верующего разума» которого позволяет автору считать мыслителя основателем школы. Далее Корнилов обращается к творчеству В. Д. Кудрявцева-Платонова, видя в идеях «трансцендентального монизма» дальнейшее развитие концепции философского теизма Голубинского. «Завершителем их дела», по мнению Корнилова, можно считать А. И. Введенского, окончательно раскрывшего «философские константы» теистической философии. Думается, что для более объемной картины отечественной теистической философии стоило бы учесть и взгляды мыслителей, связанных с Санкт-Петербургской и Киевской духовными академиями, раскрыв взаимовлияния и показав особенности их концепций. Наверное, стоило бы уделить хотя бы несколько страниц изложению взглядов Н. Г. Дебольского, В. И. Несмелова, М. М. Тареева. Представляется, что без учета всей русской духовно-академической философии общую панораму идей и концепций русских философов трудно построить.

Стремясь представить многообразие концепций XIX — начала XX в. Корнилов исследует предметно-содержательные гносеологические и аксиологические основания проекта «общего дела» Николая Федорова, концепцию истины Павла Флоренского, категориальные структуры философии Семена Франка, интуитивизм Николая Лосского. Завершают первую часть книги страницы, посвященные философии «свободного духа» Николая Бердяева, которую Корнилов рассматривает в «проблемном поле европейской культуры» (с. 203–216).

Во второй части книги «Заметки и выступления» читатель продолжает знакомиться с многообразием идей, выдвинутых русскими мыслителями. И хотя семь параграфов — это небольшие по объему тексты, однако и в тезисной форме С. В. Корнилову удается представить идеи С. М. Волконского, Е. В. Спекторского, И. И. Лапшина, В. В. Розанова, полемику А. А. Богданова

с Н. А. Бердяевым, социологическую концепцию П. А. Сорокина. Особый интерес вызывает обращение автора к таким до сих пор остающимся без должного исследовательского внимания фигурам, как С. М. Волконский и Е. В. Спекторский. Говоря о философских достижениях князя С. М. Волконского, Корнилов высоко оценивает осмысление Волконским проблемы реальности как перехода от максимальной полноты существования к небытию, перехода к ничто. Он отмечает также осуществляемую князем трансформацию известной максимы Декарта «Мысль, следовательно, существую» в принцип, в котором, по его определению, «познание уступает место бытию», а именно в принцип — «*pop cogito, ergo sum*» (с. 228). Излагая взгляды Спекторского, в частности, теорию культуры, Корнилов находит плодотворным и значимым сегодня понимание своеобразие философия мышления, которое, по Спекторскому, «не связывает себя категориями действительности или необходимости, но остается целиком в области возможного», и, следовательно, философия по своему существу, по мнению Спекторского, является «свободным исканием духа, занимающим промежуточную область между сферами науки и религии» (с. 241).

В целом можно сказать, что данное в предисловии обещание познакомить читателя с крупнейшими открытиями русских мыслителей (с. 5) С. В. Корниловым выполнено. В Заключении, подводя итог своему труду, автор называет, по его мнению, «главные открытия» многовековой истории существования русской философии: это разработанная А. С. Хомяковым концепция соборности; представляющая развитие мысли Хомякова философия всеединства В. С. Соловьёва и концепция «общего дела» Н. Ф. Федорова, наполнившая идею соборности новым активным содержанием.

Как и любое исследование, труд С. В. Корнилова не лишен некоторых недостатков. К одному из них можно отнести во многом описательный характер работы; нередко автор лишь излагает концепции мыслителей, не предпринимая их критического анализа. Приведу пример, который, как мне представляется, характерен. Завершая параграф «Философские константы А. И. Введенского», Корнилов приводит мнение ученика Введенского, отца Павла Флоренского, находившего особую ценность трудов учителя в постановке вопроса о том, при каких условиях возможна русская философия (с. 134). Приведя цитату из Флоренского, Корнилов оставляет ее без анализа и комментариев. Таким образом, складывается мнение, что он разделяет точку зрения Алексея Введенского и отца Павла. Однако, из его же сочинения очевидно, что сам Корнилов придерживается другой точки зрения. Так, в Заключении он аргументировано излагает свою позицию, согласно которой понятие «православная философия» не совпадает с понятием «русская философия». Автор указывает, что «помимо России православие повлияло на духовный поиск мыслителей и других стран, но идейное наследие Византии или Болгарии, при всей родственности отечественной культуре, отлично от мирозерцания русских авторов» (с. 264). Заметим, что к Византии и Болгарии можно добавить еще и Грецию, и Сербию, и целый ряд других стран, некоторые философы которых, исповедуя православие, все же не являлись и не являются русскими философами. Например, греческий философ XIX — начала XX в. Евгениос Вулгарис или современный сербский философ Владимир Меденица. Корнилов отмечает

также, что если бы мы попытались отождествить отечественную философскую мысль с религиозным направлением, то «ее содержание было бы не только обеднено, но и существенно искажено, так как за ее рамками оказались бы те теоретические подходы, которые не были связаны с церковной традицией и ее отвергали» (с. 264).

В связи с таким пониманием вызывает некоторое недоумение отсутствие изложения философских взглядов и упоминания многих русских мыслителей. Назову имена некоторых: Данилевский, Страхов, Дебольский, Лопатин. Я уже не говорю о Писареве, Бакуnine, Добролюбова, Чернышевском и т. п. Стоило бы, наверное, уделить также несколько страниц представителям богостроительства — Горькому, Луначарскому и др. Заслуживает внимания и Николай Минский с его концепцией меонизма. Замечу, что традицию меонизма, выдвинутую Минским и восходящую к Платону, можно проследить в отечественной философии, в частности, в учении о Бытии как о небытии известного историка античной философии А. Н. Чанышева, а также в теории «философии небытия» такого современного русского философа, как Н. М. Солодухо.

Можно также только пожалеть, что автор, привлекая в ряде случаев малоизвестные материалы, не уделит внимания взглядам представителей такой малоизвестной школы русских мыслителей, как Московская философско-математическая школа, таким ее мыслителям, как Н. В. Бугаев, П. А. Некрасов и др. Не затронул автор и логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX в.): М. И. Каринский, В. Н. Ивановский, Н. А. Васильев. Очевидно, что перечисление имен представителей русской мысли можно продолжать; ограничением может выступать только обоснованный критерий отбора имен и концепций. К сожалению, автор рецензируемой книги принципа отбора материала не предложил, дав тем самым основание для критических замечаний.

Нельзя не согласиться с утверждением автора о том, что «развитие философской мысли органично связано со становлением и эволюцией ее понятийного аппарата (с. 9). Эти слова справедливы и по отношению к терминологии, используемой в историко-философских исследованиях. Справедливы они и по отношению к терминологии, используемой автором. Очевидно, что он ищет наиболее точные термины для описания излагаемого материала. В частности, на страницах книги мы встречаем такие термины, как «философские константы», «философские координаты». Например, говоря о том, что мысль Розанова «ускользает от попыток ее определения, классификации, отнесения к какому-либо известным «измам», порождая тем самым разброс в оценках и суждениях» (с. 219), Корнилов, пытаясь наиболее адекватно описать мысль Розанова, использует наряду с понятиями «тема размышлений», «точки роста» понятие «философские координаты». Он приходит к выводу, что основными «философскими координатами» творчества Розанова являются, Бог, проблема пола и судьба России (с. 219–220). Уместно заметить, что анализ «философских координат» Василия Розанова сделан С. В. Корниловым как бы с высоты птичьего полета (*a vol d'oiseau*), где видится крупное, а более, так сказать, «мелкое», хотя бы и важное, незаметно; поэтому «философские координаты» раннего Розанова, нигилиста, атеиста и поклонника Писарева, того Розанова,

в которого, используя его слова, Бог еще не вошел, остались вне поля зрения исследователя. Думаю, этот пример — хорошая иллюстрация важности формирования точного и эффективного для анализа языка описания в историко-философских исследованиях. Книга С. В. Корнилова показывает актуальность обсуждения и решения такой задачи для отечественной истории философии.

Высказанные замечания, безусловно, не снижают положительной оценки книги, вносящий свой вклад в работу по созданию фундаментальной истории русской философии. Несмотря на типичный для нашего времени малый тираж (200 экземпляров), она, несомненно, найдет своего читателя и особенно будет близка тем, кто, как говорится в предисловии, «стремится к самопознанию и преобразованию мира по законам Истины, Добра и Красоты».